

Лучшее время для путешествия по Западной Сычуани — лето и осень. Откройте любое туристическое приложение, почти везде увидите эту рекомендацию. Весна на плато мимолётна: не успеешь оглянуться, как её тёплое дыхание развеет ещё не созревший летний ветер. Даже в июле-августе в Кандине по утрам и вечерам по-прежнему холодно, не говоря уже о раннем лете.

Каждый день, вернувшись из школы и поужинав, Тан Юйхуэй поднимался на крышу, чтобы немного посмотреть на звёзды. Кан Чжэ боялся, что он простудится, но, хоть и не одобрял этого, не препятствовал ему. Куда делся тот красный плед — оставалось загадкой, да и будь он на месте, Тан Юйхуэй вряд ли смог бы безмятежно кутаться в него. В качестве компромисса Кан Чжэ принёс из дома другой — маленький, тёмно-синий. Но — возможно, это было лишь самовнушение — Тан Юйхуэю казалось, что новый плед греет хуже прежнего.

С окончанием холодов поток туристов в Западную Сычуань увеличился. Все номера в их семейной гостинице были заняты. Родители Кан Чжэ теперь редко бывали дома: они поселились прямо в гостинице, чтобы было удобнее управляться с делами.

Днём Тан Юйхуэй преподавал в школе. Отвезя его, Кан Чжэ возвращался помогать родителям. Впрочем, судя по жалобам отца, которые звучали за ужином через день, Тан Юйхуэй догадывался, что Кан Чжэ частенько отлынивает от работы. Он то уходил смотреть на коз, о которых так заботился, то катался на лошадях, а потом мог пролежать на склоне холма весь остаток дня. Ровно до тех пор, пока не приходило время забирать Тан Юйхуэя из школы. Именно поэтому Тан Юйхуэй особенно ценил вечера, когда они вдвоём с Кан Чжэ лежали на крыше. Он понимал, что его лето коротко и скоро подойдёт к концу.

За несколько дней наблюдений Тан Юйхуэй заметил одну вещь: родители редко контролировали Кан Чжэ и почти не спрашивали его о делах. Но это не было похоже на равнодушие — скорее, они предоставляли ему полную, максимальную свободу. Взять хотя бы его отлынивания от работы: отец хоть и ворчал, но, если бы он на самом деле не относился к этому с молчаливым безразличием, Тан Юйхуэй сомневался, что Кан Чжэ часто позволял бы себе такое.

В последнее время Кан Чжэ обращался с ним удивительно мягко. Хотя он ничего не говорил, Тан Юйхуэй чувствовал: после той ночи в степи в Кан Чжэ проснулось что-то вроде чувства ответственности. Часто Тан Юйхуэю чудилось, что Кан Чжэ мысленно ругается, но всё равно, не говоря ни слова, старается выкроить время, чтобы побыть с ним, занимаясь бессмысленными вещами. Будто боялся оставить его одного — разительная перемена для того, кто раньше всем видом показывал: «Держись от меня подальше».

Почти каждый вечер они лежали плечом к плечу на крыше укрывшись одним пледом и сосредоточенно смотрели в небо. При лунном свете Кан Чжэ казался молчаливым и мрачным, под звёздами — ослепительным и ярким. Но всегда — спокойным и безмолвным.

Это не означало отсутствие общения — напротив, Кан Чжэ умел говорить увлекательно. Просто Тан Юйхуэю казалось, что, когда Кан Чжэ находится под этим бескрайним ночным небом, всё вокруг словно теряет значимость. Говорят, возлюбленный дальше всего, когда

смотрит вдаль. Но Тан Юйхуэю казалось, что именно в эти моменты, когда в глазах Кан Чжэ не было никого, он становился ближе. Потому что это равнодушие, лишённое всяких масок, наконец-то откровенно признавало: в его взгляде действительно ничего нет. Даже его самого.

Сложно сказать почему, но Тан Юйхуэй всегда чувствовал, что Кан Чжэ одинок. Кан Чжэ не хвастался своим одиночеством, но и, конечно же, не стыдился его. С самого начала он нёс его с явной гордостью. Но это была не та яркая, эффектная гордость, что заставляет ходить с высоко поднятой головой, выпрямив спину. Скорее, это была гордость спокойного ума, избравшего трезвость в одиночестве, — гордость отстранённая и безмолвная.

Тан Юйхуэя, разумеется, нельзя было назвать глупцом. Кроме того, жизненный опыт рано научил его выстраивать механизм самозащиты: выработал чутьё на опасность, умение предвидеть и предотвращать боль. Даже сейчас, каждое утро, просыпаясь, он первым делом мысленно повторял себе: «Мне всё равно придётся уехать».

Можно любить облако, любоваться луной, быть рядом с ними, обожать, но догнать их или унести с собой — невозможно. Тан Юйхуэй понимал это. Он смутно догадывался, что Кан Чжэ, вероятно, испытывает к нему чувства. Возможно, очень сильные, возможно, это даже единственная его искренняя привязанность.

Но Кан Чжэ был человеком, равнодушным даже к самому себе. Это с самого начала обрекало их идти разными дорогами, которым не суждено было пересечься. И, кажется, останавливаться не было никакой необходимости. А Тан Юйхуэй день за днём всё глубже впитывал образ Кан Чжэ на этом коротком пути, чтобы потом, в своих бесчисленных вероятностях будущего искать мгновения, подобные этим. Он осознавал, что его пугает не столько глубокая любовь к Кан Чжэ, сколько постепенно растущая привязанность. Особенно после того, как их отношения перешли на новый уровень.

Тан Юйхуэй не знал, был ли он рождён пассивом, но по сравнению с физическим аспектом их близости его всё больше пугала собственная слабость, нараставшая день ото дня. Он неотвратимо становился мягче. Его чувства делались тоньше, запутаннее, он не хотел расставаться с Кан Чжэ, ему постоянно хотелось быть рядом. Тан Юйхуэй понимал: это куда страшнее любви, которой суждено обратиться в прах.

Сейчас он отдавал свою любовь, свои чувства. Это не так уж и страшно, ведь не все живут одной лишь любовью. Тан Юйхуэй был готов стать для него пищей, не требуя ничего взамен. Ведь он не первый влюблённый в этом мире, где время рассыпается песком и сменяются сотни поколений путников. Быть может, каждый из них когда-то мечтал питать собой то, чему Тан Юйхуэй сейчас отдавался без остатка, — этой непредсказуемой силе жизни, где нет ничего постоянного, кроме встреч и расставаний.

Но привязанность — совсем другое дело. Она означает жажду обладания и доверие; она означает боль, что приходит после долгого и трудного пути: страдание от разлуки с любимыми и страдание от невозможности получить желаемое.

— Эх... — глядя в ночное небо, безнадежно вздохнул Тан Юйхуэй, и подумал: «Что же мне делать?»

— Что случилось? — Кан Чжэ, лежавший рядом, услышав вздох, повернулся к нему.

— Ничего, — грустно ответил Тан Юйхуэй. — Наверное, мне стоит держаться от тебя подальше.

— М-м? — на лице Кан Чжэ отразилось недоумение. Он перевернулся на спину и, будто бы серьезно размышляя, сказал: — Я в последнее время тебя слишком балую, да?

Тан Юйхуэй уже понял, что тот не придаёт этому значения — Кан Чжэ не из тех, кого волнуют такие мелочи.

— А-Чжэ, — смертельно устало произнёс он, — вот бы ты и вправду меня побаловал.

Услышав это, Кан Чжэ сдержал лёгкую улыбку и, приняв серьёзный вид, спросил:

— В каком смысле «побаловал»?

Будь у Тан Юйхуэя чуть больше смелости, он бы проревел в ночное небо: «Кан Чжэ, да хватит уже, а-а-а-а!» Но зная, что Кан Чжэ, скорее всего, даже не отреагирует, он не решился высказаться вслух.

— Уж точно не в том, о котором ты подумал... — сдержанно проговорил он. — По крайней мере, пока... Ох, не обращай на меня внимания. Мне, кажется, не хватает любви.

Кан Чжэ промолчал. Когда Тан Юйхуэй снова погрузился в свои мысли и между ними воцарилась тишина, Кан Чжэ внезапно перевернулся, опёрся руками по обе стороны от Тан Юйхуэя и навис над ним. И снова та самая запрещённая, сладковатая полуулыбка. Кан Чжэ, сощурившись, посмотрел на него:

— И насколько же не хватает? Разве в этом мире мало тех, кто тебя любит?

— Не такой, — тихо ответил Тан Юйхуэй, обнимая его в ответ. — Ты же знаешь, я говорю не о том.

Быть в объятиях любимого человека под звёздным небом — такое счастье! Тан Юйхуэй с тоской посмотрел на безбрежный космос, молчаливо обнимавший их. Улыбка Кан Чжэ оставалась неизменной, будто он смотрел на него сквозь непроницаемую дымку, вечно сохраняя дистанцию.

— Это сложно, — сказал он.

— Наверное... — После паузы Тан Юйхуэй тоже улыбнулся. — Но ведь можно находить счастье в каждом прожитом дне, не так ли, а-Чжэ?

Кан Чжэ немного удивлённо взглянул на него и кивнул.

— Да, можно и так сказать.

Разговор был полон недосказанности, но Тан Юйхуэй знал — Кан Чжэ всё понимает. Тан Юйхуэй понял: с того самого дня, как он влюбился в Кан Чжэ, а может, и раньше — в аэропорту на плато, когда Кан Чжэ вихрем подлетел к нему, подарив встречу под бескрайним ясным небом, — с того самого момента Тан Юйхуэй уже чувствовал её. Ту смутную, ноющую боль, что была неотъемлемой частью его любви с самого начала.

На самом деле он был обманщиком — грозным снаружи, но робким внутри. Больше всего он боялся, что Кан Чжэ увидит его настоящего... и отвергнет. Тан Юйхуэй вовремя сменил тему:

— А-Чжэ, отвези меня завтра в уездный город.

— Я думал, ты не поедешь, — с удивлением ответил Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй не смотрел на него. Глядя на россыпь звёзд, он улыбнулся так, что его глаза превратились в полумесяцы.

— Надо же хоть раз съездить туда.

Кан Чжэ замер.

— А что ты там будешь делать?

— Не знаю, просто прогуляюсь, — сказал Тан Юйхуэй. — В посёлке совсем ничего нет. Хочу купить несколько книг для детей из моего класса, да ещё пару вещей себе на ближайшие дни.

Он помолчал, а потом очень-очень медленно добавил:

— И ещё хочу купить кое-что в подарок друзьям.

Оба в этот момент смотрели в небо, не глядя друг на друга. Взгляд Кан Чжэ, казалось, на мгновение задержался на Тан Юйхуэе, но это было так невесомо, что Тан Юйхуэй не знал, произошло ли это на самом деле. В голосе Кан Чжэ не прозвучало ни капли сомнения, и от

этого смутная, глухая боль внутри Тан Юйхуэя стала ещё сильнее. Ответ был утвердительным — это было ожидаемо. Кан Чжэ говорил так же, как и всегда — с той же отстранённой любезностью в голосе, что и в день их знакомства:

— Хорошо, завтра отвезу.

Автору есть что сказать. «Когда при первой встрече с каким-либо местом или человеком сразу предчувствуешь глухую боль расставания, значит, ты непременно в него влюбился». Хуан Юнъюй «От Сены до Флоренции».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130185>